

Валентин Тублин

ДОРОГА
НА ЧАНЪАНЬ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ДОРОГА
НА
ЧАНЪАНЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

К

раем глаза старик увидел человека над обрывом. И узнал его. Это был тот самый слуга с глупым и наглым лицом, который при всех обозвал его однажды нищим попрошайкой. Нищим он и был, но не попрошайкой. Нет. Ни сейчас, ни в иные времена, куда более тяжелые. Поэтому он затаил обиду, хотя давно уже понял, что обижаться на глупых людей бесполезно.

И все же...

Вот почему он никак не дал понять тому человеку над рекой, видит он его или нет... И скорее даже нет, не видит. Не видит и не хочет видеть. И не слышит – он глух, это знают все.

Он и в самом деле терял слух все больше и больше, левым ухом слышал совсем плохо, но не настолько, чтобы вовсе не услышать пронзительных криков слуги. Но он мог себе позволить не слышать их, если не хотел.

Он не хотел.

Когда, спустя некоторое время, он незаметно скосил глаза, то увидел, что берег над обрывом пуст. Значит, этому наглому и толстому дураку придется пойти в обход почти четыре ли – полчаса тишины и спокойствия, не меньше.

Старик довольно ухмыльнулся...

День обещал стать удачным. Легкая волна игриво покачивала старую джонку. Вода в реке была зеленой и прозрачной. Старик неловко, левой рукой, забросил сначала одну леску, затем вторую. Быстрое течение сразу же подхватило их и стало подбрасывать легкие поплавки, утащив их наискось от джонки, к перекатам, где и водилась форель. Прищурив слезящиеся глаза и приложив ладонь козырьком ко лбу, старик некоторое время вглядывался туда, где, вздрагивая и блестя, бились ярко раскрашенные поплавки из пробки. Поплавки эти подарил старику сосед, сапожник по имени Вэнь И, живший неподалеку. Он же подарил и вот эти удобные башмаки из козьей кожи, украшенные замысловатым узором. За что же?.. «За честь, которую вы, почтенный учитель, оказали неграмотному семейству Вэнь своей добротой и дружбой». Итак, есть еще люди, которые гордятся знакомством с ним, старым, больным, ни к чему уже не пригодным человеком – неудачливым чиновником, забытым поэтом, который дожил до того, что сытый и наглый слуга при всех назвал его попрошайкой. Чем же может он

отплатить этим бесправным и вечно голодным людям за их доброту? Стихами и песнями? Да... стихами и песнями... Только нужны ли стихи и песни – его стихи и его песни – людям, которым каждый второй день нечего есть?

Они нужны им, это он знает твердо.

Колокольчики, привязанные у самого борта, издавали непрерывный мягкий звон. Этот звон старик слышал. Он был ему приятен, он завораживал, усыплял, навевал печаль и спокойствие, отвлекал от горьких мыслей о прошлом – горьких и бесполезных. Старик слышал этот мягкий звон, потому что он хотел его слышать. Да и вообще он многое слышал, несмотря на свою глухоту. И, хоть глаза были больные, вечно слезящиеся, многое видел. И много запомнил – много больше, чем кто-либо мог предположить.

Слишком много... Это старило его не меньше, чем прожитые лета. Все эти годы, скитаясь с толпами обездоленных и несчастных людей меж двух великих рек, сколько видел он горя и нищеты. Сколько смертей и несправедливостей, насилия, жестокости... И это все он запомнил, и о многом передумал, и многому произнес свой приговор в строчках, которые когда-нибудь будут прочтены. Когда это произойдет, его уже не будет на этой земле, но имя его – Ду Фу – станет в один ряд с бессмертными именами Цюй Юаня и Ли Бо – выше имен сегодняшних героев, генералов и министров.

Как Цюй Юань и Ли Бо!

Первый был для него образцом величия духа, второй – образцом живого гения при всем том, что он был еще и другом. Единственным, пожалуй, настоящим другом, который понимал его до конца. Но и его уже нет, он взят богами на девятое небо и там пирует, ожидая встречи со своим старым Ду Фу, чтобы продолжить с ним беседы о поэзии. О стихах и вине...

Нет великого Ли Бо. Но и великого поэта Ду Фу тоже нет, а есть больной старик по имени Ду Фу, сидящий на дырявой джонке, которая давно бы уже утонула, не будь она наполовину в прибрежном песке. Есть никому не нужный старик, пытающийся поймать хоть несколько рыбин, чтобы не пришлось идти в селение за лепешками в обмен на стихи и песни.

Но попрошайкой он не был никогда.

Солнце, перешагнув зенит, чуть подалось к горизонту. Лучи его, пронизывая воду, заставляли ее переливаться теплым изумрудным блеском. Но сама вода оставалась холодной. Родившись высоко в горах, среди чистых снегов, она еще хранила запах ледников и угрюмость одиноких скалистых ущелий. Река называлась Синьцзян. Она брала начало в неведомых высотах Тибета – неведомых и недоступных для человеческого глаза. Здесь река была еще узкой и стремительной и только потом, ниже, становилась широкой, успокоенной, неторопливой, теплой, теряя при этом чистоту и меняясь в цвете.

Колокольчики по-прежнему звенели ровно и усыпляюще. Было жарко, но здесь, у воды, жара эта умерялась мягкой речной свежестью. Слева, из-за поворота, ветер доносил приторный аромат цветов – там, за живой изгородью, находился огромный дом, принадлежащий Чжун Вэю, почтенному купцу второй степени. Время от времени оттуда, из дома, приходил – вот так, как сегодня, – один из слуг и передавал старику приглашение от хозяина. Это означало, что у почтенного Чжун Вэя снова собрались гости, такие же купцы, как и он сам, и что они желают во время изысканного обеда, перед выступлениями танцовщиц, усладить свой слух стихами и песнями.

Толстый заносчивый слуга никогда не мог понять, почему его высокочтимый хозяин всегда зовет именно этого оборванного и грязного старика с реки, этого нищего, с его скрюченной параличом рукой, не имеющего даже второго платья, чтобы переодеться перед приходом в приличный дом. Кстати, и сам почтенный купец тоже не совсем понимал, почему он так поступает. Может быть, он делал это из сострадания к человеку, у которого однажды увидел серебряную пластинку, говорившую о его потомственной принадлежности к классу чиновников?.. Нет, действительно, почему он, купец второй степени Чжун Вэй, предпочитал всем прочим именно этого... как его... Ду Фу? Наверное, все же не за его голос, скрипучий, как старое мельничное колесо, и хриплый, как карканье простуженного

ворона. Да и на семиструнном цине старик играл без особого блеска. И все же было в этом старике нечто такое...

Не раз пробовал купец Чжун Вэй объяснить себе, что же это... но не мог. Старик никогда и ничего у него не просил, так что купец чуть ли не силой заставлял его брать две-три связки медных монет, доу риса или смену платья. «Вот что значит благородное происхождение, – решил наконец Чжун Вэй. – Вот что значит иметь тринадцать поколений предков». Сам почтенный купец, не опасаясь никаких последствий, мог выставить на своих табличках только одно имя – своего отца, разбогатевшего на спекуляции солью и перед самой смертью купившего себе диплом купца второй степени.

И все же дело тут было не только в предках. Тому, кто был богат так, как Чжун Вэй, предки были, конечно, нужны, но не так уж сильно. У него были деньги, и не какие-нибудь там гуани – связки медных монет с квадратными дырками посредине, – а полновесные золотые – неприкосновенная сумма, зарытая в надежном месте, и еще сотни тысяч, вложенных в дело. Он был совсем не прост, этот маленький суетливый человек с вечно извиняющейся улыбкой на лице. Он стоил теперь дорого. Он всего достиг сам, ибо от отца унаследовал лишь диплом купца и кучу неоплаченных векселей. Он начал с продажи сверчков и бойцовых петухов для дворца, а теперь имел больше власти

(и уж наверняка больше денег), чем, быть может, сам заместитель градоначальника...

Но вот перед оборванным и молчаливым стариком он, всесильный купец Чжун Вэй, робел.

Он очень мало учился, бывший торговец сверчками. С трудом читал и с трудом писал – ровно столько, чтобы поставить свою подпись и убедиться в подлинности чужой. Все остальные дела он держал в голове – все до одного. Он знал, сколько ху зерна перемалывают его мельницы, сколько войлока выпускают его мастерские в Чэнду, какой доход приносят торговые ряды в Чанъани и какой – красильные предприятия в другой столице, Лояне. Но он не учился... Не мог, не успел. И этот недостаток в его собственных глазах никак нельзя было ни восполнить, ни даже купить. Вообще-то, купить, как оказалось, можно было все или почти все – любовь невинной девушки, дружбу важного правительственного чиновника, нож наемного убийцы, – вопрос был лишь в цене... Но умение слагать стихи... Такого товара не значилось ни в одном каталоге торговых фирм.

Как незаживающая язва, мучил почтенного купца недостаток образования. Наконец, выложив, где надо, тридцать семь тысяч золотых монет, он купил себе звание юаньвая. Теперь он мог – хотя бы перед другими – считать себя человеком ученым, ибо недавним указом императорской палаты чинов и состояний звание юаньвая приравнивалось ко второй ученой

степени – цзюйжэнь, которая означала, что обладатель ее – «почтенный сын и прекрасный человек» – является кандидатом на замещение должности в ранге чиновника восьмого низшего класса.

Плевать ему, Чжун Вэю, на должность чиновника низшего, восьмого, класса, но звание кандидата... Его дети смогут надписать это звание на своих фамильных табличках.

Сегодняшний праздник в доме Чжун Вэя был посвящен именно этому знаменательному событию. Весь день новоявленный кандидат был вне себя от радости и губы его сами складывались, чтобы произнести сладостное слово «юаньвай». Он, полуграмотный сын торговца солью и продавец сверчков, теперь – человек с ученой степенью.

Пир. Пир горой в честь этого великого события.

Без песен здесь не обойтись. Все в этот день должно быть высшего, самого высшего качества. И уже готовили специально приглашенные повара изысканный обед – тут будет и суп из ласточкиных гнезд, и суп из плавников акулы с голубиными яйцами, бамбуковые ростки в желе из креветок, особым образом приготовленное мясо черной кошки, и жареные устрицы в меду, и лапша из крабов, и нежнейшая, тающая во рту жареная саранча, и многое, многое другое, всего не перечесать. Приглашены все гости, имеющие хоть какой-либо вес в провинции, и каждый в конце праздника получит подарок, в соответствии с занимаемым

положением, конечно: кто отрез шелка, кто яшмовый прибор для письма, кто драгоценную парчу, кто памятные золотые безделушки...

И все это будет высшего качества. Ибо качество рождает доверие. А доверие – основа торговой репутации.

А репутация – это кредит.

Кредит же – это все.

Итак – высшее качество. Во всем. Значит, и стихи и песни должны быть тоже высшего качества, а это, в свою очередь, значит – старик с реки, этот бывший чиновник. Купец знал, более того, он чувствовал: только этот старик может произвести на гостей впечатление, какое нужно.

Толстый и глупый слуга с заносчивым лицом, не понимавший этого, вернулся ни с чем. Он без всякого чувства вины объявил хозяину, что так и не докричался до старого притворщика, чтоб ему провалиться. А когда он, верный и преданный слуга, рискуя сломать себе шею, отшагал в обход целых пять ли, этот оборванец заявил, что если почтенному Чжун Вэю что-либо от него нужно, то он, то есть старик, будет до вечера в джонке. Уходить никуда не собирается...

Только этого еще не доставало сегодня купцу! Он уже подумал было, не пригласить ли ему обыкновенного исполнителя – на базаре их были десятки к его услугам и почти даром... В другом каком-либо случае он, не колеблясь, так бы и поступил.

Но не сегодня.

Помянув нехорошими словами всю родню глупого слуги, купец Чжун Вэй приказал подать носилки.

День и на самом деле выдался удачным. К трем часам несколько больших рыбин уже висело на тонких бамбуковых прутьях. Днем клевало хуже, но спешить ему было некуда. Если повезет, одну-две рыбы он еще может поймать. Тогда – он решил это – он отдаст их Вэнь И, сапожнику, который вчера принес ему новую кисть для письма. Отличную, превосходную кисть, очень упругую, – из волоса молодого барсука. Да, две самые большие рыбы он подарит сапожнику.

Прогревшись на солнце, он почувствовал себя значительно лучше. Он даже смог потихоньку пошевелить пальцами правой руки и чуть-чуть согнуть ее в локте, это было больно, но так приятно... И малярия его больше не трепала... И еще эти рыбы...

Старик окинул их любовным взглядом.

Его рыбы... Значит, так: две он отдаст Вэнь И, еще две обменяет на рис и еще две – на вино. И у него останется еще рыба, и несколько дней не надо будет ни о чем думать. Как хорошо, когда хоть несколько дней не надо думать о пище! И как редко в его жизни случались такие времена!

Но он не роптал.

Недавно ему исполнилось пятьдесят семь лет. Семью он потерял, друзья умерли. Он остался один, со-

всем один. Все чаще задумывался о смерти, о том, что будет там, в ином мире... В глубине души он несколько сомневался в существовании иного мира и совсем не спешил покинуть этот. Но придется. И уже скоро. Теперь – уже скоро.

Он это чувствовал, почти знал.

Старик повернулся на спину, закрыл лицо руками, замер. Сквозь пальцы просачивалась густая синева. Ласточки расчерчивали небо косыми линиями, за бортом джонки шуршала холодная зеленая вода... Ду Фу задремал. Он спал, наверное, всего несколько минут, не более, но в эти несколько минут он вновь увидел все тот же сон, что так часто снился ему в последние годы скитаний. Он увидел родину, Север, прекрасный город Чанъань, и белокаменный Чжаоян – дворец Сверкающего Солнца, и похожую на девичью грудь твердую округлость вершины Лишань, покрытую на закате прозрачной фиолетовой дымкой. От этой картины что-то холодело у него внутри. Может, это был холод одиночества? Когда он проснулся, глаза его были в слезах.

Он не вытирал их.

Колокольчик судорожно бился о борт, издавая резкий, трескучий звук. Старик машинально стал подтягивать тугую вздрагивающую леску, ощущая на пальце упругость сопротивляющейся рыбы, – вот она выпрыгнула раз и другой, испуганно блестя перламутровым телом, потом еще и еще раз, пока смерть не

распластала ее на темных досках джонки. Ду Фу смотрел, как умирала форель, – предсмертный трепет менял ее окраску. Вся гамма красок, словно прожитая жизнь, прошла перед ним, пока один – серый – цвет не поглотил все остальные. Серый цвет – это был цвет неудач, цвет старости и смерти.

Он выпотрошил рыбу и повесил ее на прутик. Затем наклонился и вымыл руки в обжигающей холодной воде. Его руки были уже чисты, а он все еще оставался в этой неудобной позе, наклонившись над водой, и все не мог отвести от нее взгляда. Набегавшая невысокая волна каждый раз стирала – и не могла стереть его отражение в этом непрерывно меняющемся живом зеркале, и, пока он глядел в воду, он был вечен, как жизнь... как вода... как стихи. Только не мог же он смотреть в воду вечно.

И все же он смотрел и смотрел, с жадностью, не отрываясь, словно открывал в этом искаженном изображении новые, неведомые ему самому черты. И снова, вспоминая свой постоянный и тревожащий его сон, с острой и тяжелой непреложностью понял, что конец его жизни близок и что он не может больше жить здесь, в этом солнечном добром краю, но должен вернуться домой, на Север, и там умереть и быть положенным в землю предков, чтобы успокоиться там навсегда.

С трудом оторвался он от воды. Кряхтя, встал, распрямился. Ласточки, вскрикивая, все носились и носи-

лись над водой. Голубело безмятежное небо. Но он видел сейчас другое небо и другую реку. Чанъань, Север, звал его. Там было сумрачное небо его родного края, и от этого края отделяло его десять тысяч ли. Десять тысяч ли по стране, охваченной войной, мятежами, смертью.

Безумием было стремиться туда. Здесь же было так хорошо, безмятежно, спокойно. «Останься, – шепнул ему голос. – Останься. Лучшего места тебе не найти».

«Не найти», – согласился Ду Фу. Это было верно. И так же верно было то, что скоро – очень скоро – он двинется в путь. Как это произойдет, он представлял смутно. У него не было ни денег, ни платья, не было у него и осла, а без осла кто же пускается в дальний путь. И он был болен. И тем не менее он знал – скоро в путь. Случай поможет ему... Что-нибудь произойдет – ведь он должен ехать. И тут же он подумал: «А что, если...» Он облегченно вздохнул, засмеялся, сначала тихо, потом громче. Голос его и впрямь был похож на скрип мельничного колеса. Ласточки сердито взмыли в вышину, гулкое эхо повторило странный смех на том берегу. А он все смеялся. Да, да. Эта мысль, внезапно пришедшая ему в голову, и была как раз выходом из положения – да, да. И он снова смеялся, на этот раз уже от радости, и прозрачные старческие слезы текли из его воспаленных глаз. Еще несколько минут назад он не знал, принять ему настойчивое приглашение купца Чжун Вэя или нет. Теперь он знал, что примет его, да,

обязательно. А вместо подарков и денег за свои песни потребует осла. Осел – вот что ему нужно, чтобы тронуться в путь. И он поедет в Чанъань. Скоро... Может быть, уже завтра.

Ду Фу закашлялся – и снова высокий противоположный берег повторил отрывистые странные звуки.

По ветхим сходимьям он перебирается на берег. Тут, вдоль берега, прямо от джонки, начинается тропа, по которой он быстро дойдет до ограды купеческого дома. Сегодня он споет свои самые лучшие песни, гости купца Чжун Вэя останутся довольны. И купец, разумеется, тоже, только сначала ему придется отдать старику осла. «О Ду Фу, – говорит он себе, – ты на старости лет становишься хитрым. Хитрым и недоверчивым, как лисица Гу».

И он смеется, довольный...

Так шел он по неприметной тропинке. Тяжело дышал, останавливался. Смеялся, кашлял, шел дальше.

Он был очень доволен собой.

На половине пути ему повстречались носилки почтенного купца.

Это был поистине счастливый день.

Как великолепно был убран дом! Как изысканно освещен сад... Благоухали цветы, фонари светили неярко и загадочно, и даже луна казалась привешенной на место расторопными слугами Чжун Вэя. Аромат приготовляемых яств разносился по всему дому, проникал в многочисленные комнаты, даже во двор, – у вы-

сокочтимых гостей невольно набегала слюна. А ведь гости были не из тех, кому приходилось заботиться о пропитании, совсем нет. Давненько уже в округе не собиралось такое изысканное общество. Здесь были и купцы, не без тайной зависти поздравлявшие своего более удачливого коллегу, и чиновники, и четыре офицера из соседнего гарнизона во главе со своим начальником, кавалером павлиньего пера третьей степени. Были здесь также два незаметных инспектора из управления податей, с которыми тем не менее все остальные гости раскланивались с преувеличенной любезностью.

И еще один – самый почетный – гость. Из столицы. Его чин не произносился вслух, но и произнесенный про себя, в уме, он вызывал невольную робость.

Гость оказался в этих краях случайно, если смерть можно назвать случаем. Здесь жила его мать, и здесь она умерла... Он узнал об этом только тогда, когда инспекция палаты надзора прислала ему черный лист бумаги с белым драконом. Это означало приказ об отставке на три месяца, пока не кончится траурный срок. Теперь, по истечении этих трех месяцев, гость возвращался в столицу, где уже ждали его неотложные дела, и только униженные просьбы купца заставили его отложить возвращение еще на день. По правде говоря, ему и самому вдруг захотелось взглянуть на этих людей, столь отличных от круга, в котором ему приходилось вращаться в столице.

К тому же он был достаточно демократичен. Демократизм был сейчас при дворе в моде, он был важной частью внутренней политики нового императора – имелось в виду, что все должностные лица, независимо от рангов, вышли из народа и лишь временно, в силу необходимости, несут на себе тяжкое бремя пастьей. Поэтому будет интересно доложить императору о жизни провинциалов, это наверняка вызовет одобрение.

Провинциалы... Все эти купцы, кажущиеся себе такими важными господами здесь, в далеком и забытом всеми округе; эти чиновники седьмых и шестых разрядов, чьи мечты не поднимаются выше вороньего пера на шляпе, эти захудалые военные... Жалкое зрелище! И все же он согласился и не жалел уже об этом, ибо лишний раз почувствовал, на какую высоту занесла его судьба.

Приветливой и оттого еще более недоступной была вежливая улыбка гостя, когда он сошел с носилок. Красные шелковые одежды сразу выделили его из общего темно-серого одноцветья купеческих и чиновничьих халатов, на груди и спине в желтых квадратах красовались вышитые шелком фазаны – знак принадлежности к высшему, второму, классу чиновников. Пряжка пояса сверкала золотом и алмазами, бросались в глаза также застёжки чистого золота, украшавшие башмаки, искусно сшитые из кожи нерожденного теленка.

Гость занимал в столице должность главного секретаря министерства церемонии.

Он повел себя с той простотой, которая лишь подчеркивала высоту занимаемого им поста: любезно улыбнулся гостям и, сопровождаемый по пятам ошастливленным хозяином дома, прогулялся по парку. При этом он великодушно похвалил празднество, лукаво посмеиваясь в душе.

В парадной комнате уже были расстелены циновки. На столиках в специальных чашках уже дымился горячий суп из ласточкиных гнезд, обошедшийся хозяину в целое состояние, ибо отнюдь не одни гнезда требовались для этого блюда. Многие гости пробовали подобное лакомство впервые... Слуги вносили новые блюда, и подогретое вино в серебряных чайниках, и приправы, и закуски. В небо взлетели петарды, осветив на мгновение лица гостей мертвенным жестким светом. Купец Чжун Вэй низко поклонился гостям, соблаговолившим, как он выразился, почтить своим высоким присутствием его убогое жилище. Еще более низкий поклон в сторону господина секретаря.

Вслед за этим купец хлопнул в ладони – да не побрезгуют высокочтимые гости теми скудными подарками, которые бедный купец просит их принять от всей души. За спиной каждого гостя уже стоял бесшумно появившийся слуга с подарком, завернутым в тончайшую бумагу. Легкий шелест... Господин секретарь, улыбаясь, разворачивает подарок. Возгласы

изумленья; хозяин скромно улыбается – высшее качество не подвело. Столичный гость получил в подарок золотого фазана. Внутри сосуда было драгоценное розовое масло. Господин секретарь уже был доволен, что поддался чувству демократизма. Имя купца он отметил в своей памяти.

Гости, приглушенно гудя, рассматривали подарки. На столиках дымились новые соблазнительные блюда. Господин секретарь кончиками пальцев поглаживал золотого фазана.

Хозяин хлопнул в ладони трижды. Слуга поставил на ковер низенькую скамейку. Вошел Ду Фу. Он был в новом халате, лицо рассеянное, на гостей Чжун Вэя он не смотрел. Лишь краем глаза скосился на высокого гостя из столицы и тут же взглянул на него еще раз. И все. Больше он ни на кого не глядел.

Острый запах еды, наполнявший комнату, раздражал его. Сам он, как и полагалось певцу и рассказчику, уже пять часов ничего не брал в рот. Он сел на скамейку, устроился поудобней. Он должен был отвлечься от всего – от гостей, от запаха еды, от настойчивого взгляда столичного гостя с вышитыми шелком фазанами на огненно-красном халате. От самого себя.

В левой, здоровой, руке он держал семиструнный цинь, правой, скрюченной, сжимал персиковую косточку. Согнув жилистую в морщинах шею и наклонив ухо к инструменту, он едва уловимым движением трогал одну струну за другой. Глаза его были поч-

ти закрыты. Перебирая струны, он ждал волны. Она должна была прийти к нему и подсказать: «Пора». Шум стихал, уходил, удалялся. Исчез. Ду Фу провел персиковой косточкой по струнам. Долгий стонущий, настораживающий звук, похожий на плач, заставил гостей вздрогнуть. Волна подходила, он чувствовал ее приближение... Вот она. Не открывая глаз, он сказал четко и громко:

– Я спою вам песню великого поэта Ли Бо. Это песня о битве у Южной стены.

Цинь зарокотал. Протяжные звуки были похожи на голоса людей, умирающих на поле битвы. Скрюченная птичья лапа с персиковой косточкой все сильнее и сильнее ударяла по струнам. Хриплым, неприятным, клокочущим голосом Ду Фу запел. Он пел песню о битве у Южной стены:

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА